
В. А. СОМОВ

СОВЕТСКИЙ РАДИОФРОНТ: РАДИО И ВОСПИТАНИЕ ПАТРИОТИЗМА В СССР 1930-Х ГОДОВ

В статье рассматривается влияние детских радиопередач на воспитание патриотизма в 1930-х годах. Используя материалы архивов, периодической печати и источников личного происхождения, автор в рамках поколенческого подхода и когнитивной истории анализирует содержание радиопередач и их воздействие на эмоциональную сферу ребенка в предвоенный период.

***Ключевые слова:** СССР, радио, воспитание, патриотизм, Великая Отечественная война.*

Радио как средство массовой информации в первой половине XX века развивалось под влиянием различных социально-экономических и политических факторов. В США первой половины 1930-х годов радио было тесно связано с коммерческой индустрией (McChesney 1993). Содержание программ формировалось с учетом запросов слушателей, среди которых было немало сторонников развлекательных и музыкальных передач (Razlogova 2011). Некоторые радиопередачи для детей в США вызвали дискуссию по поводу их негативного влияния на детскую психику (Butch 2000). Частные радиостанции активно развивались в этот период в Канаде (Hogarth 2001).

В 1930-х годах «зрелище в эфире» (Литовский 1933: 7) становится технически доступным и для значительной части населения СССР. Показательной можно считать Горьковскую область (до 1936 года Горьковский край) – «родину» советского радио. В 1936 году только в Горьковской области было 62 307 трансляционных точек (ГОПАНО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 278. Л. 34). Но потребность в радиофикации была еще больше: 13 районных центров не имели радиоузлов. На 1937 год была запланирована полная радиофикация всех районных центров (Там же), которая, впрочем, была завершена только после войны.

Характерной чертой развития радио в СССР был тотальный контроль со стороны государства, который определялся монополией как на технические средства (проводные сети не давали возможности самостоятельно выбирать каналы [Lovell 2013: 80]), так и на содержание радиопередач (цензура). Например, постановление Всесоюзного радиокomiteта при СНК СССР «Об изменении в программах радиовещания республиканских, краевых и областных радиокomiteтов» 31 января 1935 года обязывало максимально сократить текстовые передачи в рамках молодежного и детского вещания. Категорически воспрещалась передача каких-либо радиокomiteпозиций, монтажей, литературных образов, разработанных на местах. В 1936 году в аппарате Всесоюзного радиокomiteта был создан отдел микрофонных материалов, который в обязательном порядке рассылал тексты для местного вещания (Горяева 2000: 154). Другими словами, советские дети слушали одни и те же передачи, материал для которых готовился в Москве. Значительная часть документов центральных органов радиовещания была утрачена в начале Великой Отечественной войны (Там же: 37, 43), но реконструировать содержание детских радиопередач можно благодаря региональным архивным данным, в частности материалам нижегородских архивов (ЦАНО, ГОПАНО).

Проанализируем передачи, которые были адресованы детям и юношеству, т. е. тем, кто родился в 1920–1924 годах. Согласно переписи населения 1939 года, на территории Горьковской и Кировской областей, а также Марийской и Мордовской автономных республик, входивших до 1936 года в состав Горьковского края, проживали 7 863 694 человека, в том числе детей в возрасте 15–19 лет – 710 547 человек, или 9 % населения (Всесоюзная... 1992: 23–32). Молодые люди, окончившие школу в 1937–1941 годах, по выражению А. А. Зиновьева (2005), выиграли войну и при этом понесли огромные потери. Достаточно сказать, что мужская часть этой возрастной когорты за десять лет с 1939 по 1949 год сократилась почти вдвое (Жиромская 2009: 46)! Попробуем проследить связь между содержанием детских радиопередач и доминирующими чертами психологического облика поколения, которое на практике продемонстрировало свою готовность ценою жизни защищать родину.

Одним из самых распространенных типов общения с детьми был диалог, который, как показал С. Ловелл, был специально рекомендован в качестве эффективного способа передачи информации

(Lovell 2013: 92). Диалог в эфире не был советским ноу-хау. Он активно применялся, например, в программах шведского радио (Lindgren 2012: 239–259). Особенностью советских радиопередач было их идеологическое содержание. С помощью радиодиалога дети не только узнавали о жизни страны, их города и деревни, но и оказывались под воздействием коммунистического воспитания. Вот текст радиопередачи, прозвучавшей в декабре 1931 года: «Вы знаете, ребята, что с 15 ноября по 15 декабря по СССР проводится месячник всеобуча? Как ваша база и школа участвуют в месячнике? Что делаете вы для того, чтобы выполнить решение ЦК партии о средней и начальной школе? Напишите нам!» (ЦАНО. Ф. 3630. Оп. 1. Д. 47. Л. 7). В передаче от 27 декабря 1931 года звучало: «Внимание! Слушайте! Строительству (Горьковского автозавода) нужен лес. Вот почему партия и комсомол уделяют внимание лесозаготовкам. Как могут пионеры стоять в стороне от этой важной задачи?» (Там же). Интересный радиодиалог произошел 10 декабря 1931 года: «Ну, ребята, кто знает, что происходит сейчас в лесах нашего края? Может быть, некоторые из вас думают, что в зимнем лесу только волки гуляют, да снег по колено... Так ли это, ребята из колхозов? Ну-ка, ребята-колхозники! Ведь у некоторых из вас лес чуть ли не за околицей... Подавайте свой голос! Ну, что происходит сейчас в лесу? Ага, слышим! Правильно, угадали. А вы, городские ребята, тоже угадали? Правильно, правильно, ребята. Сейчас в лесу происходят: ле-со-за-го-тов-ки...» (Там же: 91). В этом диалоге обращают на себя внимание прямое обращение и призыв к активной реакции: «Ну-ка!», «Подавайте свой голос!», «Ага, слышим!», которые завершаются поощрительным утверждением: «Правильно, угадали!»

Ребенок – это слушатель, который «в силу искренности и непосредственности восприятия, а также в силу отсутствия критического отношения... принимает все с полной верой» (Валерин 1935: 36). Поэтому достаточно примитивный диалог в детском сознании воспринимался как таинственное общение с загадочным невидимым голосом, которому открыта некая истина. Главное для ребенка, участвовавшего в таком диалоге, не спорить, не задавать вопросы, а угадать верный ответ, так, чтобы он совпал с ответом ведущего. Позитивные эмоции от верно угаданного ответа закрепляли в сознании ребенка его содержание: «Здравствуйте, ребята. Вы меня видите? Нет. Вы меня слышите? Да. Слушайте внимательно. Я бу-

ду вас спрашивать, а вы отвечайте. Ну-ка, Верочка, скажи, какие у вас в детском саду книги?» (ЦАНО. Ф. 3630. Оп. 1. Д. 209. Л. 109).

Радиодialog направлял ход мыслей маленьких слушателей с помощью позитивного примера из жизни сверстников. Об этом можно судить по письмам детей в радиокомитет, которые хранятся в архивных фондах*. Часто переданная по радио информация о мероприятиях, в которых участвовали одни дети, вызывала у других желание самим участвовать в чем-то подобном: «Здравствуйте, ребята... Хочется узнать, какие у вас планы на 1936 год? Какие у вас желания, мечты? <...> Вот, например, Нюра Сугрובה составила себе такой план на этот год: 1. Научиться кататься на коньках; 2. Увидеть товарища Сталина; 3. Посмотреть в Большом театре оперу “Снегурочка”» (Там же: Д. 363. Л. 29). Элементы текста очерчивают детям объекты для желаний и мечтаний. Вместе с понятным желанием научиться кататься на коньках слушателю внушается потребность «увидеть товарища Сталина».

Диалог в контексте коммунистического воспитания имел большое значение – заставлял детей безоговорочно доверять содержанию радиопередач. Отвлеченные рассказы о природе, жизни лесных зверей и птиц – идеальный вариант для нейролингвистического программирования. Разберем один из многочисленных характерных примеров. Передача, датированная мартом 1936 года: «Слушайте, что предлагают юные натуралисты Харьковского дворца пионеров и октябрят имени Павла Петровича Постышева. Ребята! Мы уже не кутаемся в шубы, уже не ходим на каток, снег растаял, повсюду зазвенели игривые ручейки. Уже набухают почки на деревьях и вот-вот начнут распускаться. Прилетели звонкоголовые птицы и запели свои весенние песни. (Ввод в «транс» – констатация очевидных фактов с целью достижения наиболее доверительного отношения к дальнейшей информации.) Выйдите в поле (призыв, проверка контрольной готовности): куда ни глянь – колхозные поля (а не помещичьи – корректировка), гудят тракторы (а не лошади – констатация очевидного, корректировка), идет ударный колхозный сев. Жить в нашей стране стало лучше и веселей. (Замыкается логический «круг»: «улучшение жизни» – это так же очевидно, как и то, что «весна пришла».) Настоящая весна

* За 1936 год в отдел политической просветительской работы Горьковского обкома ВКП(б) поступило 607 писем от радиослушателей, из них 505 – от детей (ГОПАНО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 288. Л. 38).

наступила в нашей стране. Подлинную весну для нашего детства создали в социалистической родине большевики – наши отцы – под водительством мудрого Сталина (*Сталин – отец. Образ патерналистского государства.*) Давайте, ребята (*призыв к действию*), весело и бодро встретим весну! Выйдем в поля, леса, парки, сады, на улицы – встретим весну радости, счастья и бодрости. (*Эмоциональный призыв, закрепление.*)» (ЦАНО. Ф. 3630. Оп. 1. Д. 367. Л. 82).

Передача завершается рассказом о создании под городом Харьковом лесопаркового птичьего заповедника. Это демонстрирует объект приложения сил и энергии, которую, как внушалось детям, необходимо расходовать не на себя, а на общее благо. Такие передачи формировали особый настрой и доверие слушателей, обладавших повышенной внушаемостью. Это своего рода подготовительные передачи, за которыми шли передачи с более конкретными призывами. Вот интересный текст от 13 мая 1936 года, в котором сочетаются пример и прямой призыв следовать этому примеру. Выпускники 1-й образцовой школы Петроградского района Ленинграда написали письмо о том, что они решили посвятить себя педагогической деятельности: «Приближается конец нашего последнего учебного года в школе. Перед нами – широкая дорога в жизнь. Двери высших учебных заведений открыты перед нами – выбирай любое. Мы много вечеров горячо спорили: какая профессия ценнее, на каком участке мы сможем принести больше пользы Родине. В результате жарких споров мы твердо решили пойти в педагогический институт им. Герцена. Призываем всех выпускников десятых классов 1936 года последовать нашему примеру и посвятить свою жизнь педагогической деятельности» (Там же: Д. 368. Л. 36–37).

По мере усиления внушаемости со стороны слушателей в содержании радиопередач появляются требования и директивные указания. Например, в новостях для пионеров и школьников от 18 июня 1936 года говорилось: «Ребята... Гражданам Советского Союза власть трудящихся предоставляет исключительные права. Вместе с тем Советская страна требует от своих граждан помнить о своей социалистической родине, защищать ее от посягательства врагов, все свои силы отдавать на укрепление и расцвет великого Советского Союза» (Там же: Д. 369. Л. 40–42). В качестве ответа на данные требования в эфире от имени самих школьников звучали эмоциональные клятвы и слова о долге перед Родиной.

Такое построение текста в эфире не только демонстрировало детям необходимый власти пример поведения, но и создавало эффект восприятия призывов и требований широкими массами молодежи. На смерть А. М. Горького в эфире прозвучало письмо детей Харьковского Дворца пионеров: «Дорогой Алексей Максимович! Мы так любили тебя в твоём “Детстве”, так жалели тебя “В людях”, мы так радовались, когда ты стал счастливо и радостно жить вместе со всей нашей страной. Мы читали твои чудесные книжки и учились по ним жить... Мы клянемся самому лучшему человеку всего мира родному Иосифу Виссарионовичу Сталину вырасти смелыми и гордыми соколами и всю свою жизнь отдать для борьбы за светлую, радостную жизнь» (ЦАНО. Ф. 3630. Оп. 1. Д. 369. Л. 50). В выпуске новостей от 1 октября 1936 года было зачитано письмо читателей газеты «Пионерская правда»: «Мы знаем, что первый наш долг – отлично учиться и примерно себя вести. Этот долг каждый пионер и школьник должен выполнять образцово. Но каждому из нас хочется еще как-то по-особенному отблагодарить взрослых, сделать что-то хорошее и полезное для нашей Великой родины» (Там же: Д. 371. Л. 5).

Несмотря на эмоциональный эффект, длительное звучание текстовой информации приводило к тому, что дети не могли долго концентрировать внимание: «Замечательно, что как бы ни был злободневен и актуален текст передачи, интерес слушателей ослабевает, если текста слишком много. Утомленность внимания юного слушателя обуславливается в большинстве случаев не пониженным интересом к тематике передачи, а однообразностью звучания человеческого голоса. И здесь на помощь приходит музыка...» (Ю. Н. 1933: 42). Музыка была одним из важнейших элементов в сетке советского вещания (Lovell 2013: 84). Советские дети не только слушали песни, но и разучивали их в режиме радиодialogа. Ведущий диктовал строчки из песни, а дети записывали текст и учили мотив. Вместе с ведущим они пели и повторяли заученные куплеты. Разучивание песен чередовалось с передачами литературного содержания. Например, 20 мая 1933 года – разучивание песни «Пионерская лагерная» (ЦАНО. Ф. 3630. Оп. 1. Д. 207. Л. 33), «художественное рассказывание» повести Н. В. Гоголя «Как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» (Там же: 77), 9 июня 1933 года – в эфире отрывок из романа М. Шолохова «Поднятая целина» (Там же: 109), 13 августа 1933 года – разучивание песни

«Марш летчиков» (ЦАНО. Ф. 3630. Оп. 1. Д. 207. Л. 161), 15 августа 1933 года – рассказ А. П. Чехова «Злоумышленник».

Музыкальные программы занимали значительное место в детском радиовещании первой половины 1930-х годов. Детям рассказывали о творчестве классиков – В. А. Моцарта, Дж. Россини, Н. А. Римского-Корсакова. В плане Горьковского радиокomiteта на сентябрь 1935 – март 1936 года предусматривалось 113 передач для детей. Из них музыкальных – 54, текстовых – 59 (Там же: Оп. 3. Д. 290. Л. 1 об). Содержание передач коррелировалось с другими источниками музыкальной информации. Музыкальный редактор детских передач Горьковского радиокomiteта Н. Урвилова писала в 1935 году: «Составляя программы передач, я тесно увязываю их с программой музыки в школе и согласовываю с методистом краевого дома художественного воспитания детей и с городской секцией преподавателей музыки. Кроме того, планы и микрофонный материал мною зачитываются на секции и обсуждаются педагогами школ гор. Горького» (Урвилова 1935: 47).

Вот выборочные, но типичные и характерные анонсы музыкальных передач для детей на февраль 1936 года (в скобках указаны имена композиторов): 1 февраля 1936 года в эфире для детей концерт по заявкам пионеров и школьников. Песни – «Вьется ласточка» (Гурылев), «Шарманщик (Шуберт), «Турецкий марш» (Бетховен), «Форель» (Шуберт), «Утренняя серенада» (Шуберт), «Куплеты Тореадора» из оперы «Кармен» (Бизе), «Кавантина Фигаро» из оперы «Севильский цирюльник» (Россини) (ЦАНО. Ф. 3630. Оп. 1. Д. 365. Л. 3–4). 3 февраля 1936 года в эфире музыкальные произведения: «Увертюра к опере “Руслан и Людмила” (Глинка), ария Галицкого из оперы “Князь Игорь” (Бородин), дуэт Ольги и Татьяны из оперы “Евгений Онегин” (Чайковский). Следующую передачу слушайте 6 февраля в 11 часов утра, “Концерт по произведениям Мусоргского, Бородина, Римского-Корсакова”» (Там же: 12).

В конце января 1936 года после статьи «Сумбур вместо музыки» в «Правде», где критике подвергалось отсутствие в музыкальном произведении способов идеологического воздействия на слушателя (Сумбур... 1936), музыкальная программа для детей была скорректирована. Уже 25 февраля 1936 года в 18.00, в соответствии с новыми указаниями, прозвучала передача для детей «Красная Армия и оборона страны в музыке советских композиторов». Ис-

полнялись песни «О героях», «Чапаевская», «Разведчик Чирков», «За морями, за горами», «Первая конная», «О Ворошилове», «Встреча с казармой», «Походная», «Все мы теперь краснофлотцы», «О челюскинцах», «Марш воздушного комсомола» (ЦАНО. Ф. 3630. Оп. 1. Д. 365. Л. 67–68). Исполнение песен сопровождалось следующим комментарием ведущего: «Ребята! Красная армия любит и ценит хорошие песни. Песня умножает бодрость и энергию в походной обстановке, песня – составная часть отдыха и досуга бойцов. И пусть же эта бодрая, боевая песня нашей доблестной Красной Армии звучит во всем мире! Пусть наши враги твердо помнят слова непоколебимого, любимого вождя великого Сталина: “Ни одной пяди чужой земли не хотим, но и своей земли ни одного вершка не отдадим никому!”» (Там же: 70).

Характер музыки в сочетании с техническими возможностями радио, несомненно, отразился на образе мышления юных советских граждан. Сын А. А. Жданова Юрий считал, что песни второй половины 1930-х годов «вошли в духовный мир поколения» (Жданов 2004: 78). Американский исследователь Дж. Рассел, посетивший СССР в 1939 году, отмечал значительное влияние музыки (в частности, песни «Широка страна моя родная») на патриотические настроения молодежи (Russell 1942: 77). Н. П. Бехтерева вспоминала: «Мы все пели мажорные песни о мудром, родном и любимом вожде и о стране, где дышится вольнее, чем где-либо на планете» (Бехтерева 2007: 18). Оценивая роль музыкального воспитания, она пишет: «В те же 40-е годы народ, воспитанный на победных маршах, нашел в себе силы вышвырнуть фашистскую нечисть с нашей земли» (Там же: 20).

Классическим примером (и подтверждением!) воздействия музыки на эмоциональную сферу поколения 1930-х годов стала «Священная война». Песня на стихи В. И. Лебедева-Кумача и музыку А. В. Александрова с середины октября 1941 года и до ноября 1941 года стала ежедневно в 6.40 утра звучать по всесоюзному радио (Бирюков 1996: 90). Александров вспоминал: «Внезапное нападение вероломного врага на нашу Советскую Родину вызвало у меня, как и у всех советских людей, чувство возмущения, гнева и мести... эту песню всегда слушали стоя, с каким-то особым порывом, но и мы – исполнители – нередко плакали» (цит. по: Пожидаев 1988: 133–134). Советский поэт Ю. И. Визбор: «Ровно в шесть ча-

сов из черного бумажного репродуктора звучала песня, тяжелая побудка военных лет: «Вставай, страна огромная! Вставай на смертный бой!». И была она слышна и у соседей, и по всему Панкратьевскому переулку, и по всей стране 1942 года. С тех пор я не знаю песни, которая оказывала бы на меня такое сильное действие... Сколько уверенности придавала эта строчка! Сколько серьезности и драматизма в ней! Как дорога была для страны эта поэтическая находка, рождавшая несомненное чувство личной сопричастности с судьбой народа» (Визбор 2001: 101–102).

Весь музыкально-семантический ряд произведения (интонация, тембр, текст, композиция) активизировал эмоции сопротивления, очень точно переданные словосочетанием «ярость благородная» в сознании *подготовленного* слушателя. Можно сказать, что песня не только продуцировала эмоции, но и актуализировала скрытый эмоциональный потенциал. Используя смысловые архетипы («свой – чужой», «яр», «священная», «народная» и др.), авторы опирались на вековые традиции сопротивления. Художественные образы произведения были образами *объединяющими*, близкими и актуальными для большинства населения СССР. Неслучайно в качестве музыкальной формы произведения выбран жанр *гимна*, который наиболее характерен для выражения государственной общности.

Несмотря на всю силу образного воздействия, «Священная война» далеко не у всех вызывала схожие эмоции. Но это, скорее, говорит не о качестве произведения, а о «качестве» слушателей. Понятно, что дезертиры, паникеры, коллаборационисты, антисоветчики, которым мотивация сопротивления по разным причинам не была свойственна в принципе, не могли реагировать на нее так же, как граждане-патриоты. Но это лишь подтверждает предположение, в силу которого «Священная война» должна рассматриваться как своеобразный информационный «код», ключ к активизации эмоционально-волевых поведенческих императивов, которые были положены в основу воспитания молодого поколения 1930-х годов.

Оборонная тематика в радиопередачах служила «информационной поддержкой» военной подготовки в пионерских организациях. Например, передача от 14 мая 1934 года «Подготовка пионеров к лету»: «Товарищи Ленин и Сталин много раз говорили, что наши дети должны вырасти с железными нервами и стальными мускулами. Эти указания Владимира Ильича и товарища Ста-

лина мы, ребята, должны выполнять, и особенно – летом... Очень хорошо, если звено до выезда в лагерь разучит дорожные знаки, азбуку Морзе, топографические знаки. Это поможет звену проводить интересные походы» (ЦАНО. Ф. 3630. Оп. 1. Д. 269. Л. 1–2). Тем, кто на время школьных каникул оставался в городе, радиопередача рекомендовала: «Организуйте военизированные игры, свяжитесь с частями Красной Армии, организуйте работу военно-топографических кружков» (Там же: Л. 5). В передаче от 16 мая дети слышали советы, очень похожие на инструкцию по ведению боевых действий: «Походы и экскурсии становятся очень интересными, когда вся подготовка и их проведение соединяются с изучением военного дела. Так, например, совершая поход, начальник похода высылает одно звено в разведку, дает им карту, компас и определяет место привала. Разведка оставляет за собой дорожные знаки. Вся партия идет по этим знакам. Они могут быть самыми различными – указывать верный путь, хорошую воду, указывать на пенек, в котором находится донесение разведки» (Там же: 10–10 об.).

Характерной чертой детских радиопередач был позитивный эмоциональный фон, который формировал конструктивную жизненную позицию, настраивал детей на общественную деятельность в соответствии с коммунистической идеологией. В августе 1937 года в справке отдела политической работы Горьковского облисполкома отмечалось, что «по единодушным отзывам Москвы, актива и радиослушателей лучше всего работает сектор детского вещания. Их работа насыщена показом детского творчества, школьной самодеятельности, их материал всегда хорош, жизнерадостен, бодр и весел» (ГОПАНО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 282. Л. 80). По словам Ловелла, «для советских людей было недостаточно тихо сидеть и делать то, что сказано. Они должны были проявлять самостоятельность, живое участие в деле построения социализма... Неудивительно, что эти задачи были трудно совместимыми с политическим конформизмом» (Lovell 2013: 94). Это утверждение в полной мере относится ко взрослым слушателям. Что же касается детей, то в силу возраста они не были так критичны к восприятию идеологических штампов. Музыкальные передачи, театральные постановки, новости, информационные программы способствовали внушению детям основных идей советского патриотизма.

С началом Великой Отечественной войны радио для многих стало единственным источником информации. Жители Арзамаса вспоминают: «Ежедневно слушали радио – черная тарелка репродуктора висела на стене. Голос Левитана возвещал о трудностях первых месяцев войны» (Арзамасский... 2005: 229). «Все дети войны помнят радио – черную тарелку из твердой бумаги... Радио всегда громко вещало о событиях на фронте. Голос Левитана мне известен с тех пор, его ни с чьим голосом не спутаешь: «“Говорит Москва!..”» (Погодин 2007). Радио для многих играло еще и роль своеобразного будильника. Как вспоминает жительница Йошкар-Олы Т. В. Одинцова, «радио не выключали – боялись проспать на работу» (В боях... 2005: 166).

В то же время государство резко ограничило доступность информации. В постановлении Политбюро ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О сдаче населением радиоприемников и передающих устройств», принятом 25 июня 1941 года, говорилось: «Учитывая, что в связи с обстоятельствами военного времени радиоприемники и передатчики могут быть использованы вражескими элементами в целях, направленных во вред Советской власти, Совет Народных Комиссаров Союза ССР постановляет: обязать всех без исключения граждан, проживающих на территории СССР и имеющих у себя радиоприемники (ламповые, детекторные и радиолы), в пятидневный срок сдать их органам Наркомата связи по месту жительства...» (Лубянка... 2006: 290–291). Данное решение можно рассматривать в качестве подтверждения тезиса о высоком потенциале радио как средства пропаганды.

Ограничение количества информации сопровождалось жесткой цензурой ее качества. Радиопередачи для повзрослевшего слушателя актуализировали информацию, заложенную в детское сознание в довоенный период. Характерный пример – выступление майора Шарончикова 17 декабря 1941 года в 17 ч. «Не уйдут гитлеровские банды от суровой кары. В нашей земле они навсегда найдут себе могилу. За кровь и страдание наших людей, за поруганную нашу землю мы будем мстить беспощадно» (ГА РФ. Ф. 6903. Оп. 12. Д. 7. Л. 72). В переданной в тот же день речи отбойщика Карагандинского угольного бассейна Руденко говорилось: «Я знаю, что сейчас меня слушают тысячи таких же молодых людей, как и я сам, и очень волнуюсь. Это потому, товарищи, что в сердце слишком

много накопело и словами все это даже передать трудно» (ГА РФ. Ф. 6903. Оп. 12. Д. 41. Л. 100). Такое эмоциональное начало выступления должно было способствовать высокой восприимчивости слушателей к призыву: «Мы работаем, забывая об усталости. Одна у нас мысль, одна забота: помочь Красной Армии быстрее разгромить немцев» (Там же: 101).

Ольга Берггольц, работавшая в радиокomiteе блокадного Ленинграда, вспоминала: «В великом сопротивлении Ленинграда, которое требовало, прежде всего, единения коллектива, радио сыграло роль огромнейшую» (Берггольц 1989: 173). Представляется, что эта роль была обусловлена использованием радио в процессе воспитания молодого поколения. Радиопередачи не просто информировали, развлекали, но призывали к действию, показывали пример для подражания. Власть с помощью радио обращалась к детскому слушателю не как к потребителю, а как к активному субъекту, способному преобразовывать действительность, «изменить мир». Радио дополняло и углубляло информацию, которую дети получали в процессе школьного воспитания, пионерской работы, музыкального, литературного, исторического образования, в трудовой деятельности. Радио вместе с другими средствами стало проводником идеологии советского патриотизма. Коллективизм, чувство долга, ответственность, любовь к Родине, стремление защищать ее от врагов, готовность к самопожертвованию становились с помощью радио пусть не всеобъемлющими, но доминирующими элементами в сознании советской молодежи.

Литература

Арзамасский учительский в годы военного лихолетья. 2005. (Материалы к истории АГПИ). Арзамас: Изд-во Арзамасского гос. пед. ин-та.

Берггольц, О. 1989. *Говорит Ленинград*. В: Берггольц, О., *Собр. соч.*: в 3 т. Т. 2. Л.: Худ. лит-ра, с. 158–339.

Бехтерева, Н. П. 2007. *Магия мозга и лабиринты жизни*. М.: АСТ; СПб.: Сова.

Бирюков, Ю. Е. 1996. «Вставай, страна огромная...»: Музыкальная эмблема Великой Отечественной. *Родина* 6: 88–91.

В боях отстояли Отчизну свою... 2005. Воспоминания участников Великой Отечественной войны и тружеников тыла. Йошкар-Ола: Педагогическая инициатива.

Валерин, С. 1935. О двух премьерях в детском вещании. *Говорит СССР* 14: 36–39.

Визбор, Ю. И. 2001. *Соч.*: в 3 т. Т. 3. М.: Локид-пресс.

Всесоюзная перепись населения 1939 г.: основные итоги. 1992. М.: Наука.

Горяева, Т. М. 2000. *Радио России. Политический контроль радиовещания в 1920-х – начале 1930-х годов. Документированная история.* М.: РОССПЭН.

Жданов, Ю. А. 2004. *Взгляд в прошлое: воспоминания очевидца.* Ростов н/Д.: Феникс.

Жиромская, В. Б. 2009. *Жизненный потенциал послевоенных поколений в России: историко-демографический аспект: 1946–1960.* М.: РГГУ.

Зиновьев, А. А. 2005. *Моя эпоха: О Великой Отечественной войне 1941–1945 годов.* URL: <http://polit.ru/article/2005/06/23/epoch/>.

Литовский, О. 1933. Зрелище в эфире. *Говорит СССР* 22: 7–8.

Лубянка. Сталин и НКВД-НКГБ-ГУРК «Смерш». 1939 – март 1946. 2006. В: Яковлев, А. Н. (ред.), *Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти.* М.: МФД Материк.

Погодин, В. П. 2007. *Техникум – это наша судьба: Очерки истории Арзамасского техникума потребительской кооперации. 1957–2007 гг.* Арзамас: б. и.

Пожидаев, Г. А. 1988. *Краснознаменный ансамбль: путь песни и славы. Очерк.* М.: Воениздат.

Сумбур вместо музыки. 1936. *Правда* 28 января.

Урвилова, Н. 1935. Радио и школа в Горьковском крае. *Говорит СССР* 11–12: 47–48.

Ю. Н. 1933. Роль музыки в детском вещании. *Говорит СССР* 19: 41–42.

Butch, R. 2000. *The Making of American Audience (From Stage to Television, 1750–1990).* Cambridge: Cambridge University Press, pp. 219–234.

Hogarth, D. 2001. The Other Documentary Tradition: Early Radio Documentaries in Canada. *Historical Journal of Film, Radio and Television* 21: 123–135.

Lindgren, A. 2012. Gender and Generation in Swedish School Radio Broadcasts in the 1930s: An Exploratory Case Study. *Journal of the History of Childhood and Youth* 2: 239–259.

Lovell, S. 2013. Broadcasting Bolshevik: The Radio Voice of Soviet Culture, 1920s–1950s. *Journal of Contemporary History* 48: 78–97.

McChesney, R. W. 1993. *Telecommunications, Mass Media, & Democracy: The Battle for Control of U.S. Broadcasting, 1928–1935*. New York: Oxford University Press.

Razlogova, E. 2011. *The Listener's Voice: Early Radio and the American Public*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press.

Russell, J. 1942. Collective Farming in Russia and the Ukraine. *Science* 96(2482): 72–79.

Архивы:

ГА РФ – Государственный архив Российской Федерации.

ГОПАНО – Государственный общественно-политический архив Нижегородской области.

ЦАНО – Центральный архив Нижегородской области.